

УДК 930

Бученков Д.Е.*(г. Москва)*ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

Аннотация. Автор статьи дает обзор историографии по вопросу об образовании Московского государства в XV–XVI вв. Он начинается с работ российских историков XVIII в. и заканчивается концом XX в. В работе изложена точка зрения, что государство может быть изучено только с использованием междисциплинарного подхода. Для этого требуется привлечение истории, социологии и политологии. У историков нет понимания специфики государства как социального института. Концепция феодализма является важным открытием исторической науки – для объяснения возникновения государственности.

Ключевые слова: Московское государство, история, социология, политология, государственность, социальный институт, феодализм.

D. Buchenkov*(Moscow)*THE PROBLEM OF MOSCOW STATE FORMATION
IN THE RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE

Abstract. The author of the article gives the review of Moscow state formation in the 15-16th centuries. The review begins with the works of Russian historians of the 17th century and finishes with the end of the 20th century. The author considers an interdisciplinary approach to be the only possible way of studying a state. To accomplish such a study history, sociology and political science should be involved. Historians lack understanding of the state to be a social institution. Feudalism concept is an important discovery of historical sciences which makes possible to explain the emergence of statehood.

Key words: Moscow state, history, sociology, political science, statehood, social institution, feudalism.

Более двухсот лет существует и развивается отечественная историческая наука, однако, вопрос об образовании Московского государства остается нераскрытым. Как только исследователь подходит к его рассмотрению, он тут же сталкивается с множеством трудностей, которые носят фундаментальный характер. Среди них: «Что такое государство?

* Статья публикуется в порядке научной дискуссии.

Какими методами его можно исследовать? Как «проявляет» оно себя в источниках?».

Нелепость ситуации заключается в том, что тема возникновения государственности появилась в отечественной науке со времен М.В. Ломоносова и В.Н. Татищева, но раскрыть ее так и не удалось. Постоянно, на протяжении почти двух столетий, она сместилась на другие, сторонние моменты, сопровождавшие процесс государствообразования. Сначала историки пытались ответить на вопрос: «Кем была создана древнерусская государственность – славянами или норманнами?» Потом, в XIX в., с подачи С. Соловьева и В. Ключевского, акцент был смещен на «причины возвышения Москвы». Наконец, в XX в., в советский период, отечественная историческая наука подошла к данному вопросу, что называется, вплотную, но раскрыть его не смогла.

Причина, по которой сначала дореволюционная, а потом уже советская и современная российская наука не дают ответ на вопрос о возникновении государственности, заключается в том, что понятия «государство» и «государственность» являются крайне неопределенными. Государство объективно существует, но что это такое – наука сказать точно не может. Как только ставится вопрос о возникновении Московского государства, возникает масса трудностей терминологического, методологического и идеологического характера.

Довольно продуктивной была (и является) мысль социолога Эмиля Дюркгейма о том, что «социальные явления, не будучи материальными, все же представляют собой реальные вещи, допускающие исследование» [11, с. 21]. Однако предположив, что мы разделяем данную мысль, все равно оказываемся перед большим и трудным вопросом: «Как приступить к изучению государства научными методами?» Философы уже третью сотню лет вслед за Гегелем изучают не государство, а «идею государства», в то время как вопрос заключается в том, «как исследовать государство?»

Исследовать государство «как таковое», в чистом виде, как учил Дюркгейм, призывая отказываться от индивидуальных особенностей социальных фактов, это значит – «скатиться» в философию. Начать же изучать его в «конкретно-исторических формах», зная, что государство существует не одну сотню лет, что в современном мире, например, около двухсот государств, не под силу одному исследователю или даже группе исследователей. Единственный выход – приступить к изучению одного-двух государств и, владея источниками, попытаться мысленно реконструировать процесс возникновения данного государства (государств). Подобное исследование будет отличаться от строго истори-

ческого, как минимум, одним принципиальным моментом. Если историку необходимо реконструировать исторический процесс на основе открытых исторических фактов, зафиксированных в исторических источниках, то политологу, социологу, помимо этого, необходимо будет привнести в данное исследование еще такое явление, как власть. Бессмысленно исследовать государство только как «исторический объект», не учитывая, что это социальный и политический институт, в котором мы имеем дело с властными отношениями. Это то же самое, что исследовать электрон «просто как микрочастицу», не понимая, что он и есть заряженная частица.

Обратившись к историческим источникам, мы не сможем найти здесь государство: они фиксируют факты, поэтому увидеть в них государство как объект представляется почти невозможным. Одно из первых упоминаний этого термина содержится в летописной статье 1478 г. В документе описывается, как Иван III, ведя борьбу с новгородцами, обозначает свои притязания на Великий Новгород: «ино мы, великие князи, хотим государства своего, как есмы на Москве, так хотим быти на отчине своей великом Новгороде» [31, с. 316].

В исторических источниках мы находим зафиксированные события, систему отношений между людьми, но государства мы здесь не видим. Например, основные исторические источники по России XIII–XV вв., когда, согласно общепринятой точке зрения, стало возникать Московское государство, это – летописи, духовные и докончальные грамоты князей, различные судные и уставные грамоты, акты церквей и монастырей, частные правовые акты, иностранные источники. Изучая подобный, довольно большой объем документов, исследователю вначале будет трудно избавиться от ощущения, что он занимается каким-то бессмысленным делом, что времени и сил на изучение тратится много, а конечный результат не очень понятен, поскольку государство «разглядеть» в этих источниках невозможно. Сам факт упоминания термина «государство» не проясняет природу этого социального института, а методов исторической науки для раскрытия его природы недостаточно.

Таким образом, государство может быть познано только при использовании междисциплинарного подхода. То есть исследователь, который берется за вопрос о возникновении Московского государства, должен быть, как минимум, социологом, политологом и историком одновременно. Он не может быть только политологом, так как государство – это длящийся во времени институт, и ему необходимо знать основные источники, свидетельствующие о его возникновении. Он не может быть только историком, так как история не изучает власть, и он

не может быть только социологом, так как понятие социальный институт не вмещает в себя всю сложность конкретно-исторических условий, в которых происходит образование государственности.

Обратимся к основным историческим исследованиям, в которых классики отечественной исторической науки пытались говорить о возникновении Московского государства. При этом нашей задачей не является дать подробный историографический обзор: мы затронем только самые основные точки зрения, учитывая, что историографические работы на эту тему уже существуют [9; 35–38].

Пытаясь рассуждать о возникновении государственности, В.Н. Татищев обратился за помощью к «Политике» Аристотеля, нигде, правда, не упомянув древнегреческого философа. Накладывая на реалии Руси IX–X вв. его теорию о разных формах правления, он утверждал, что начиная с Рюрика и, видимо, до монголов на Руси была аристократическая форма правления, «хотя и беспорядочная» [41, с. 492]. В его изложении монгольское завоевание XIII в. прервало аристократическое правление, вернувшееся только при Иване III, который «снова совершенную монархию восстановил» [41, с. 493]. Явление государственности у Татищева еще не отделилось от понятия о форме правления. В его «Истории Российской» можно найти фрагменты как патриархальной теории возникновения государства, согласно которой государство возникло из семьи, так и много других довольно неопределенно выраженных взглядов.

Другой историк – Н.М. Карамзин – стремился представить образование Московского государства как долгожданный процесс установления монархии. Несмотря на то, что его многотомное сочинение называется «История государства Российского», понятие «государство» употребляется у него довольно неопределенно и в разных смыслах в зависимости от контекста. Автор использовал такие термины, как «монархия», «самовластие», «самодержавие», «держава», «единодержавие», «вольности», в каждом конкретном случае подразумевая формы организации власти со своими особенностями. По Карамзину, политическая история России до образования Московского государства есть процесс бесконечной борьбы «вольности» и «самовластия», то есть монархии и организации управления при участии народа: «Что касается собственно до правления, то оно в сии времена соединяло в себе выгоды и злоупотребления двух, один другому противных, государственных уставов: самовластия и вольности» [16].

Карамзин связывал образование Московского государства с личностью Ивана III, который был «назначен судьбою восстановить еди-

нодержавие в России» [17]. Вопрос о том, как «самовластие» постепенно уничтожало «вольности», мягко устраняется, как устраняются почти все проблемные вопросы истории в исследовании Карамзина, текст которого носит литературный характер.

Сегодня многие разделяют точку зрения о том, что в XX в. советская историческая наука была значительно идеологизирована. Это действительно так, однако обвинять в этом только советских историков необоснованно: в XVIII и XIX вв. идеологизированности и апологетики существующих отношений было достаточно. Вот и другой историк XIX в. – И.Е. Забелин – в сочинении «Взгляд на развитие Московского единогодержавия» не столько пытался выяснить процесс возникновения Московского государства, сколько выстроить апологию московской княжеской династии. Исследователь подробно рассмотрел некоторые аспекты междукняжеской политической борьбы XIII – XIV вв., попытался понять довольно хитрые и богатые подробностями политические интриги, пользуясь различными летописными сводами. Однако когда он пробовал давать оценки, становится слишком очевидно стремление историка оправдать московскую княжескую династию. Например, объясняя переселение митрополита Петра из Владимира в Москву в XIII в., Забелин утверждал, что привел его туда «добрый нрав ее князя, боголюбивого, страннолюбивого и зело тихолюбивого» [12, с. 517], говоря так об Иване Калите.

При внимательном прочтении статьи у автора мы находим существенное противоречие. С одной стороны, он утверждает, что одна из важнейших причин усиления Москвы – это, как ни странно, особенный демократизм княжеской московской династии, которая во всем спрашивала «землю» [12, с. 514]. С другой стороны, в работе выстраивается апология «сильной и крепкой власти». Объясняя причины образования Московского государства, исследователь апеллирует к интуитивным и не поддающимся доказательству настроениям массового сознания, высказывая мнение, что действительная сила окрепшей московской династии таилась не в многочисленных земельных приобретениях, а «в древнесуздалском общенародном убеждении», согласно которому «для спокойствия земли необходима единая крепкая власть» [12, с. 772].

Важным этапом в исследовании вопроса о возникновении Московского государства являются взгляды Н.Костомарова и Н.Павлова-Сильванского. Значение их трудов в данном вопросе заключается в том, что и тот и другой обратились к концепции феодализма, использование которой является важным условием для понимания процесса возникновения Московской государственности. Без обращения к концепции

феодализма, сформулированной французскими историками XVIII в., возникновение Московского государства будет представляться или как деяния великих князей, или как интуитивные чаяния народной массы, протекающие в виде «само собой разумеющихся», «естественных» процессов.

Безусловно, взгляды Костомарова и Павлова-Сильванского на феодализм своеобразны. Костомаров в работе «Начало единой державы в Древней Руси» использовал это понятие исключительно как политический термин. Феодализм для него – это разделенность Руси на удельные княжества. Феодализму он противопоставляет монархизм, подразумевая под последним единую централизованную власть [20].

Павлов-Сильванский в своем исследовании применял, говоря современным языком, компаративистский метод, что находит отражение в работах: «Феодализм в Древней Руси», «Феодализм в удельной Руси». Он доказал, что в XII – XVI вв. в России существовало феодальное общество, схожее с феодальным обществом Западной Европы [26].

Взгляды двух других крупных историков XIX века – С.М. Соловьева и В.О. Ключевского по вопросу об образовании Московского государства во многом схожи. И тот и другой исследователь сместил акцент с вопроса об образовании Московского государства на вопрос о причинах возвышения Москвы над всеми другими городами, хотя, конечно же, окончательно интересующий нас вопрос не отбрасывали в сторону.

Теоретическая модель возникновения Московского государства, которую выстраивает Сергей Михайлович Соловьев, обозначим как «модель княжеского родового права». летописное сообщение о призвании Рюрика рассматривается исследователем как основополагающее событие, с которого следует начинать русскую историю [39]. Он указывает, что после призвания Рюрика из его потомков выделяется один княжеский род, который становится главенствующим, и благодаря этому становится возможным образование Московского государства [40]. Подчеркивая, что звание князя приобретается благодаря рождению, что является неотъемлемым и независимым от других условий, Соловьев негласно «подписывается» под теорией аристократического возникновения государства. Он считает, что государство у восточных славян изначально возникло в Киеве в X–XI вв., а Московское государство появилось в результате перемещения политического центра с юга на север. Вследствие этого возникновение именно московской государственности не видится принципиальным для историка. Более важным для него является вопрос: «Почему политическим центром государственности стала именно Москва, а не Тверь или Владимир?».

В данной модели мы имеем дело с таким способом объяснения исторических явлений, как «естественный ход событий», к которому вынуждены обращаться многие историки, когда вопрос выходит за рамки исторической науки. Поскольку княжеское звание становится «естественным» и неотъемлемым «в силу рождения», то получается в конечном итоге, что и возникновение государства явилось естественным процессом развития сообщества.

С.М. Соловьев – обстоятельный и вдумчивый историк XIX в., однако, изучая княжеский род, его роль в образовании государственности, междукняжеские отношения, он не рассмотрел государственность как таковую, поскольку политическая элита и государство – это разные объекты. Когда внимание исследователя поглощено изучением политических и иных взаимоотношений в верхней прослойке общества, государство как надличностный, социальный объект ускользает от внимания такого исследователя.

Трудность понимания взглядов Соловьева (как и многих других историков XVIII – XIX вв.) на вопрос о возникновении Московского государства заключается в том, что понятие «государство» является у него многозначным и употребляется в разных смыслах: государство – это и сообщество русского этноса, это и некий территориальный политический центр, это и просто организованная особым образом жизнь княжеств, присоединенных к Москве.

Внимательно вчитаемся в текст, в котором Ключевский довольно сжато формулирует свой взгляд на формирование Московского государства: «Как скоро население Северной Руси почувствовало, что Москва способна стать политическим центром, около которого оно могло собрать свои силы для борьбы с внешними врагами, что московский князь может быть народным вождем в этой борьбе, в умах и отношениях удельной Руси совершился перелом, решивший судьбу удельного порядка: все дотоле затаенные или дремавшие национальные и политические ожидания и сочувствия великорусского племени, долго и безуспешно искавшие себе надежного пункта прикрепления, тогда сошлись с династическими усилиями московского великого князя и понесли его на высоту национального государя Великороссии» [18, с. 265].

Обратим внимание на такие понятия, как «политические ожидания» и «в умах и отношениях совершился перелом», которые использует Ключевский [18, с. 265]. Ни у Ключевского, ни у нас нет возможности совершить научный рейд в XVI в., чтобы провести массовое анкетирование населения Северо-Восточной Руси с целью выявить данные политические ожидания. Социологические явления, к которым апел-

лируют в данном случае Ключевский, — общественное мнение и массовое настроение. Мы не можем их подтвердить или опровергнуть. Они являются предположениями историка в его модели, однако, очевидно, что одних «ожиданий» и «настроений» для образования такого политического института как Московское государство, недостаточно.

В.О. Ключевский, вероятно, понимал это, и потому указывал большое количество конкретных исторических факторов, которые способствовали образованию Московского государства. Во-первых, сам процесс образования Московского государства происходит в рамках так называемой русской колонизации, которая есть процесс постоянного освоения восточными славянами все новых и новых обширных земель Евразии. По Ключевскому, это фундаментальный многовековой процесс, исторически свойственный русскому народу. Во-вторых, важнейшее политическое значение для возникновения Московского государства, по Ключевскому, имело изменение порядка наследования княжеской власти. Она стала передаваться таким образом, что ядро московской княжеской вотчины оставалось неделимым, а основанием для наследования стала воля завещателя.

Третьим политическим фактором было то, что московским князьям удалось закрепить за собой право собирать для Орды дань и как бы «представлять» все русские княжества в Орде. Таким образом, как только три раза подряд ярлык на княжение доставался московским князьям, они попытались превратить это в обычай.

С политической точки зрения Ключевский, прежде всего, пытается выяснить вопрос: «Каким образом самостоятельные удельные князья оказались в зависимости от московского?» Очевидно, что образование московской государственности было бы невозможно без ликвидации «суверенности» власти удельных князей. Отвечая на данный вопрос, исследователь приходит к выводу, что договорные грамоты между князьями «не отвечают действительному положению вещей» [18, с. 258], то есть не отражают в полной мере процесс подобного подчинения: «Рассматривая договорные грамоты XIV–XV вв., мы не находим никакой постоянной политической связи, которая бы подчиняла удельных князей великому» [18, с. 258]. Ключевский отмечает два пути, по которому возникла зависимость удельных князей от московского князя: 1. Князь мог оставаться хозяином в своем уделе, но служить Москве. 2. Московский князь покупал уделы, но при этом предоставлял возможность бывшим удельным князьям пользоваться уделами за счет службы ему.

По Ключевскому, вторым важным историко-политическим условием образования Московского государства является образование едино-

властия. Автор «Курса русской истории», как и Карамзин, употребляет этот термин, не расшифровывая его, но при этом ставя акцент в данном термине на преемственности власти» [18, с. 263]. Он высказывает точку зрения, согласно которой единовластие возникло вследствие того, что власть стала передаваться только по одной старшей линии московских князей. Таким образом, в древнерусском обществе XIII–XV вв. совершилось множество различных процессов, политическим итогом которых стали централизация власти и образование государства.

Последний момент, который нельзя не отметить, заканчивая разговор о взглядах Ключевского, касается вопроса об образовании великорусской народности. Как уже упоминалось выше, образование Московского государства, по мысли исследователя, происходило в рамках великорусской колонизации Евразийского континента. После экономического упадка южных частей Руси в XIII в. большие массы населения продолжили двигаться дальше на север и обживали более спокойные районы Северо-Восточной Руси. Бывшее южное население разорвало связи с прежней родиной, и здесь начался процесс формирования новой этнической общности – «великорусского (великоросского) племени». Процесс образования великорусского племени фактически совпал с образованием Московского государства. Таким образом, у Ключевского получалось, что Московское государство было создано, в первую очередь, благодаря интуитивным, полуосознанным усилиям этого нового образовавшегося (или еще образующегося) этноса.

Историк А.Е. Пресняков активно употреблял слово «власть», утверждая, что образование Московского государства произошло благодаря не «собираанию земель», а «собираанию власти», не поясняя при этом, что такое власть и как можно ее собирать без материальной основы [32].

Завершая разговор об отечественной науке XIX в., мы не можем не упомянуть историка «юридической школы» Б.Н. Чичерина и его трехтомную книгу «Курс государственной науки», в которой он пытался дать определение термину «государство». Заслуга Чичерина в том, что он подошел (пусть абстрактно и внеисторически) к мысли о том, что государство есть сообщество индивидов, все члены которого вовлечены в систему властных отношений, являющихся обязательными для всех и монопольными. Историк писал: «Существенный признак, отличающий государство от всех других союзов, состоит в том, что все они юридически подчиняются государству <...> Государству же верховная власть принадлежит по самому его существу; это – признак, отличающий его от других союзов» [47]. Взгляды Чичерина, как только он делает шаг в сторону от юридической науки, быстро опускаются до уровня обыва-

тельских рассуждений о государстве: «Власть, а потому и государство нечто иное как неизбежное зло, установленное для избегания зла еще большего. Если бы все люди были добродетельны, то государства были бы вовсе не нужны» [48].

Таким образом, подводя некоторый итог рассмотрения исследований отечественных историков XVIII–XIX вв. по вопросу об образовании Московского государства, следует сказать следующее. Понятия «государство» и «государственность» оставались нераскрытыми. Государственность часто не отделялась от форм правления. Науке того времени нередко не хватало достаточно сведений для того, чтобы отделить государство от монархии. В то же время важным шагом на пути к прояснению вопроса об образовании Московского государства было обращение к концепции феодализма и постепенное развитие взглядов в том направлении, что средневековая Русь – это феодальная Русь. Данное обстоятельство стало важным этапом для дальнейшего (хотя и не окончательного) прояснения исследуемого вопроса в советский период.

Официальную позицию советской историографии по отношению к дореволюционной как нельзя лучше выражают слова историка Л.В. Черепнина: «Не раскрыв сущности феодального способа производства, характера производственных отношений в феодальном обществе, буржуазные исследователи не могли правильно разрешить и проблемы складывания Русского государства» [46, с. 3]. Советские историки упрекали дореволюционную историографию в том, что она понимала феодализм, прежде всего, в политико-правовом значении, не вкладывая в это понятие экономического, формационного значения.

Историк Михаил Николаевич Покровский – один из основателей марксистской исторической науки в нашей стране, высказывал мнение, что никакого процесса «собираения русской земли» в XIII–XV вв. не было, поскольку «рассыпаться было нечему», а следовательно, и собирать было нечего [30]. Он предельно критически отзывался о способности московских князей «собираить землю русскую», которые, по его выражению, главным делом своей жизни считали «добывание престолов» и «вооруженные набеги на соседние области», а о создании «общенационального русского государства» никогда и не думали [30]. «Что касается государственных идеалов, то таковые можно найти, в зачаточном виде, у новгородского веча – этого воплощения антигосударственности для официальной историографии, но никак не у древнерусских князей», – писал Покровский [30].

По мнению историка, предпосылки для создания государственности создала Православная Церковь, которая признала власть хана и,

в отличие от светских властей, получила особые привилегии, позволившие ей успешно развиваться как корпорация идеологической и хозяйствующей. Покровский особо отмечает роль Церкви в образовании государственности: она предоставила в распоряжение татар свое влияние на верующих, и еще раньше, чем появился государь светский, уже был государь духовный – митрополит.

Автор «Русской истории с древнейших времен» отмечает, что процесс присоединения удельных княжеств к Москве по своей форме был консервативным. Князья в самую последнюю очередь были революционерами и, заключая очередные «докончальные грамоты» между собой, отмечали, что договариваются они по старине, «по отчине и по дедине», однако, формировалось принципиально новое политическое образование, которое через несколько столетий включило в себя большую часть континента [30].

Несколько другой взгляд мы находим у последующих советских историков, издававших свои труды через десять-пятнадцать лет после Покровского, таких как В.В. Мавродин, С.В. Юшков, Б.Д. Греков [7], Б.А. Рыбаков [34]. Для данных исследователей характерно стремление отодвигать момент создания государства у восточных славян как можно дальше в древность. Например, В.В. Мавродин писал: «Образованием древнерусского Киевского государства следует считать момент полного слияния образование двух центров древней Руси – Новгорода и Киева, двух областей – «Славии» и «Куявы», а это слияние наша летопись связывает с именем и деятельностью Олега» [23, с. 221]. Или: «Киевская держава объединила восточных славян в единый государственный организм» [23, с. 227].

Еще дальше шел С.В. Юшков, который высказывал мнение, что «Киевское государство вовсе не является началом русской государственности, а является итогом многовекового государственного и правового развития восточного славянства» [49, с. 12], «руссы еще до 859-862 гг. образовали ряд государств» [49, с. 65].

Данная тенденция характерна не только для «сталинского периода». Отодвигать государственность в древность могли и в XIX в. «Государство российское основано в 862 году, по сказанию древнейшего Летописателя Нестора», – рубил, что называется, с плеча историк М. Погодин в книге «О происхождении Руси», изданной в 1825 году [29, с. 3].

Проблемы, с которыми сталкиваются историки, отодвигающие момент образования государственности на Руси как можно дальше в древность, заключаются не только в скудности источниковедческой базы. Им неизбежно приходится объяснять, каким является экономи-

ческий характер Киевской (или иной) государственности – рабовладельческий, дофеодальный, раннефеодальный, или какой-то еще. Например, историк И.Я. Фроянов выходил из этого затруднения, фактически утверждая, что государство в Древней Руси носило внеклассовый (доклассовый) характер [44].

Важнейшей работой советского периода о проблеме возникновения Московского государства является труд Л.В. Черепнина, который так и называется – «Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках».

Ключевым моментом его модели реконструкции Московского государства является обозначенный еще Ф. Энгельсом тезис о том, что ведущий мотив поведения людей заключается в необходимости добывать средства к существованию. Соответственно, применяя этот подход к феодальному обществу, Черепнин утверждал, что основным источником богатства в период средневековья является сельскохозяйственное производство, на основе которого складываются формы феодального землевладения и возникает Московское государство.

Вступая в полемику с В.О. Ключевским, Л.В. Черепнин доказывал, что образование Московского государства – это не результат интуитивных усилий народных масс, уставших от феодальной раздробленности, а результат усилий феодальных землевладельцев, которые при государственной централизации могут более эффективно эксплуатировать землю и крестьян. Ситуация сложившегося к XVI в. Московского государства была противоречивой: с одной стороны, «образование централизованных государств было явлением прогрессивным, ибо с его возникновением создавались более благоприятные условия для экономического развития» [45, с. 8]; но, с другой стороны, следствием централизованного государства стало образование крепостного права. Без государственности крепостное право было бы невозможно, так как трудно прикрепить к земле крестьян, проживающих в разных, раздробленных княжествах.

Принципиальная новизна взглядов Черепнина и советской историографии в целом, в отличие от историографии XVIII–XIX вв., заключалась в том, что процесс возникновения Московского государства рассматривался через развитие форм феодального землевладения и сопутствующих им социальных отношений. В подобной модели уже мало места уделяется деяниям великих князей или полуосознаваемым побуждениям образующейся великорусской народности.

Черепнин приводит в своей книге немало документов из церковных архивов XIV–XV вв., в которых зафиксированы судебные разбирательства между монастырями и крестьянами по поводу земли. Классический

случай такого разбирательства: несколько крестьянских семей расчищают лес, начинают сеять, обживают хозяйством, а через несколько лет выясняется, что земля «принадлежит» монастырю, который требует себе десятину или же настаивает на освобождении земли для себя. В подавляющем большинстве случаев княжеская администрация решала вопрос в пользу духовенства.

Лев Черепнин подчеркивал, что Московское государство, в отличие от некоторых европейских государств, складывалось в процессе развития феодальных отношений, а не в рамках раннекапиталистических. Присоединение удельных княжеств к Московскому происходило в рамках особой системы отношений – феодального условного землевладения, когда удельные князья формально оставались почти полностью самостоятельными. Заключались «докончания» по старине, где прописывались одни и те же юридические формулы. Присоединенные к Москве бывшие удельные княжества на первоначальном этапе оставались вотчинами, в которых удельные князья были по-прежнему полновластными хозяевами, но теперь с политической точки зрения они уже не обладали полным суверенитетом. Любая попытка таких князей принимать принципиальные внешнеполитические решения самостоятельно рассматривалась московским князем как нарушение «докончания», и вслед за этим следовала карательная экспедиция.

Магистральной линией советской историографии в XX в. по рассматриваемому вопросу было изучение форм феодального землевладения, роль различных социальных групп в развитии этих форм и, как следствие, их роль в образовании Московского государства. Центральная мысль, которую явно сформулировала советская наука, заключалась в том, что развитие крупных форм феодального землевладения привело к образованию Московского государства, и в своих исследованиях она пыталась как показать весь процесс в целом (Л.Черепнин), так и проиллюстрировать различные его стороны [1; 6; 25; 27; 33; 42; 43; 50].

С.В. Бахрушин уделил внимание вопросу о развитии княжеского хозяйства и пришел к выводу, что небольшие княжеские хозяйства становились все более и более неконкурентоспособными по сравнению с хозяйствами крупных князей [3].

А.А. Зимин пытался рассмотреть процесс образования Московского государства в контексте борьбы различных сословий [13; 14].

В.Б. Кобрин в книге «Власть и собственность в средневековой России» доказывал, что, вопреки общепринятой точке зрения, боярство не было противником централизации власти, а наоборот, было заинтересовано в этом [19].

А.К. Леонтьев уделил внимание вопросу об образовании приказной системы. Данный вопрос, конечно, не является новым [5; 10; 24; 28], однако, исследователь подошел близко к мысли о том, что говорить о появлении государственности можно только тогда, когда создаются постоянно действующие государственные учреждения (приказы), хотя и не выразил эту мысль явно [21, с. 32].

Я.С. Лурье предпринял интересную попытку реконструировать основные события XV в., которые способствовали возникновению Московского государства, на основе сравнения различных редакций русских летописей. Стараясь определить, какие летописи более идеологизированные, а какие – менее, он попытался реконструировать более приближенную к реальности картину некоторых ключевых событий указанного периода [22].

Были и такие исследователи, которые стремились «сойти» с указанной магистральной линии, как, например, Л. Гумилев. Данный автор рассматривал вопрос о возникновении московской государственности с позиций созданной им же «теории пассионарного этногенеза». Эта социологическая по своей сути теория заключается в том, что на определенном этапе исторического развития в обществе появляется некое критическое количество сверхэнергичных, жертвенных и инициативных людей, которые стремятся изменить все вокруг.

Сконструированная Гумилевым теория пассионарного этногенеза позволяла ему довольно вольно обращаться с источниками, а чаще вовсе к ним не обращаться. В XXV главе книги «Древняя Русь и Великая Степь» [8] Гумилев пытается разобрать вопрос о возникновении Московского государства, отдельно указывая на особую роль монголо-татар в этом процессе. Данную книгу нельзя отнести ни к социологии, так как автор не предложил никакой методики, на основании которой можно было бы выделить в Руси XIII – XV вв. определенное количество пассионариев, ни к исторической науке, поскольку работа с источниками фактически отсутствует. Труд можно отнести к философии истории.

В данной книге нет никаких убедительных объяснений, почему в данный период появляются так называемые «пассионарии». Гумилев не пытается восстановить почти трехвековой процесс возникновения Московской государственности с точки зрения пассионарной теории, все сводится к околофилософским очеркам, поэтому взгляды историка по данному вопросу не могут рассматриваться как научные.

С одной стороны, пассионарная теория этногенеза является попыткой взглянуть на отечественную историю по-новому (и только поэтому мы о ней говорим), однако, ее практически-научное применение

в интересующем нас вопросе о возникновении Московского государства, не дало значительных научных результатов.

Продолжение рассуждений о роли монголо-татар в образовании Московского государства можно найти и у других современных российских авторов. Например, автор М.А. Исаев утверждает, что роль монголо-татар не сводилась исключительно к роли взывателей дани. Кочевой институт “*unagan bogol*”, который Исаев называет феодальным, был одним из факторов, который способствовал образованию государственности в авторитарных формах. Согласно данному автору, “*unagan bogol*” – традиционная система властных отношений внутри Золотой Орды, в соответствие с которой потомки тех или иных монгольских родов имели тем больше прав, чем больше их предки оказали услуг Чингисхану [15].

Характерной чертой конца XX в. для отечественной исторической науки по вопросу об образовании Московского государства является стремление выдвигать новые концепции. Безусловно, данное стремление носит позитивный характер, однако, содержательная сторона данных концепций и особенно связь с источниками оставляют желать лучшего.

Например, авторы «Очерков по истории княжеской власти на Руси в IX – XV вв.» утверждают, что княжеская власть всегда существовала в форме соправительства. В «Очерках» утверждается, что «у протославянских племен к моменту их появления на исторической арене уже существовали достаточно развитые государственные институты, связанные с праиндоевропейским наследием» [2].

Поскольку при живом великом князе наследники получали земли и объявлялись наследниками, то в политической истории мы имеем дело с институтом соправительства, который был создан для того, чтобы под видом «двукняжия» сохранить единоначалие власти. Никаких аргументов, кроме указания на сам факт назначения наследников и наделения их землями, не приводится, но сам этот факт несколько не указывает на одновременность государственного правления. То, что наследники являлись политическими фигурами, – очевидно, но говорить о том, что они осуществляли власть одновременно с великим князем на равных, нет никаких оснований. А значит, и сама концепция «соправительства» имеет скорее филологический, чем историко-политический смысл.

Подводя итог развития исследований по вопросу об образовании Московского государства в советский и постсоветский периоды (до конца XX в.), следует отметить, что отечественная историческая на-

ука значительно продвинулась в прояснении вопроса о возникновении Московского государства, однако, ответ на сам вопрос так и не получила. На сегодняшний день очевидно, что для получения этого ответа история не должна ограничиваться только рамками своей научной области: необходимо привлечение социологии и политологии.

В разные периоды развития отечественной исторической науки государство рассматривалось в соответствии с развитием уровня науки в этот временной промежуток, а также в соответствие с господствующей идеологией.

Так, в XVIII в., Карамзин и Татищев еще не отделяли форму правления от государственности, что было связано с неразвитостью представлений о социальной структуре общества в целом. Любая наука, особенно гуманитарная, движется поступательно, и, следовательно, любой ученый, который выступает одним из первых в начале определенного направления, видит, прежде всего, то, что непосредственно находится у него перед глазами. Обнаружить нечто большее (связи, сложность структуры изучаемого объекта и пр.) исследователи могут только тогда, когда накоплен определенный объем наблюдений и выводов. Заметить за формой правления нечто большее, а именно государство как особый сверхсложный социальный институт, первым исследователям не представлялось возможным.

В XIX в. существенную пользу в развитии представлений о государстве принесло поступательное движение юридической науки – с одной стороны, и развитие концепции феодализма – с другой. Рассматривая государственность с правовой точки зрения, как союз, в котором устанавливаются определенные законодательные нормы, Б.Н.Чичерин отметил, что главная особенность этого союза в том, что он является единственно верховным, поскольку над ним самим уже никакой власти не существует, а все члены этого союза вовлечены в систему властных отношений. На данном этапе важно, что государственность уже перестает смешиваться с формой правления, совершая действительный шаг вперед. Однако вопрос о том, каким образом возникает ситуация, что все другие союзы юридически подчиняются государству, в праве не рассматривается, поскольку это выходит за пределы правовых отношений, устанавливающихся исторически.

Вопрос о том, каким образом правовые отношения развиваются до государственности, может рассматривать историческая наука, которая в XIX в. действительно подходит к тому, чтобы начать подобное исследование. Концепция феодализма становится к концу века частью исторической науки России благодаря исследованиям Н.П. Павлова-Силь-

ванского и других ученых, и, таким образом, историческая наука делает еще один шаг в направлении раскрытия сущности государственности. Однако отличием взглядов Павлова-Сильванского на феодализм от «феодализма советского периода» было отсутствие акцента на классовом характере государственности.

Новизна взглядов советской исторической науки в отличие от историографии XVIII–XIX вв. заключалась в том, что процесс образования Московского государства рассматривался через развитие форм феодального землевладения и сопутствующих им социальных отношений. Мысль о том, что возникновение Московского государства есть результат развития крупного феодального землевладения и усилий землевладельцев, являлась основной и почти официально принятой. Феодализм понимался как совокупность удельных княжеств и хозяйств, но в большей степени – как крупное землевладение, развитие которого в конечном итоге привело к образованию Московского государства. Класс крупных землевладельцев был заинтересован в создании такого института, поскольку он создавал более благоприятные условия для эксплуатации населения и гарантировал безопасность феодальной собственности.

Государство как социальный институт есть физически осязаемое образование – это некий участок земли (территория) и места, где располагаются его постоянно действующие учреждения. Не может быть государства без территории и не может быть государства без постоянно действующих учреждений. Когда историки говорят о формировании Московского государства и пишут, что его появление способствовало созданию постоянно действующих органов – приказов, невольно рождается вопрос о том, что же за непонятный объект возникает еще до образования постоянно действующих органов? К удельным княжествам можно применить различные названия: «протогосударства», «предгосударства»[4], но они не будут являться тем, что в нашем понимании подразумевается под государством. Присоединение территорий не есть еще образование государства, это просто присоединение территорий, а государство есть общественный институт. Он не мыслим без территории, но территории мыслимы и возможны без существования государства.

Для того, чтобы успешно продолжать дальнейшие исследования в данном направлении, историческая наука должна избавить себя от двух не столь существенных для неё вопросов.

Во-первых, вопрос о преемственности. Мысль о том, что до образования Московского государства у восточных славян уже было «развитое Киевское государство», нисколько не проясняет вопроса. Никакой

прямой связи между Киевом и Московским государством не существует. Образование Московского государства не было всего лишь «переносом» уже имеющейся государственности на другую территорию, это был вполне самостоятельный процесс.

Во-вторых, версия о том, что Золотая Орда не являлась создателем Московского государства. Вполне можно выяснять вопрос о степени и формах зависимости Москвы от Орды, но нельзя утверждать, что: 1. Московская династия «подхватила» уже имеющуюся государственность у татар. 2. Москва и Русь в целом являлась территориальной частью государства Золотой Орды.

Опровержение данных версий основывается не столько на патриотизме, сколько на том, что имеющиеся источники не дают права приходиться к таким заключениям. Кроме этого, они не отражают в полной мере сущность такого понятия, как «государственность».

Если давать оценку тому, на какой стадии исследования находится сегодня вопрос об образовании Московского государства, необходимо отметить следующее:

- отсутствует четкое понимание того, что такое государство;
- у специалистов в области истории нет четкого понимания специфики государства как социального института;
- источниковедческая база по данному вопросу довольно обширная, но она нуждается в особом анализе с точки зрения выявления (сущности понятия) государственности;
- концепция феодализма является важным открытием исторической науки и не может быть отброшена в ходе дальнейших исследований по интересующему вопросу.

Образно говоря, отечественная наука подошла к вопросу об образовании Московского государства. Вопрос этот стоит на повестке, но дверь к нему по-прежнему закрыта, поэтому сегодня задача заключается в том, чтобы найти ключ от этой двери.

Литература:

1. *Аверьянов К.А.* Купли Ивана Калиты. – М., 2001. – 242 с.
2. *Александров Д.Н., Мельников С.А., Алексеев С.В.* Очерки по истории княжеской власти на Руси в IX–XV вв. // «Проблемы политической истории и историографии». – М., 1994. – 174 с.
3. *Бахрушин С.В.* Княжеское хозяйство XV и первой половины XVII вв. // «Научные труды (Бахрушина)». – Т. 2. – М., 1954. – 379 с.
4. *Белков П.Л.* Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М., 1995. – С.165–187.

5. *Вернер И.И.* О времени и причинах образования московских приказов. – М., 1907. – 316 с.
6. *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. – М., 1996. – 125 с.
7. *Греков Б.Д.* Борьба Руси за создание своего государства. – Ленинград, 1942. – 68 с.
8. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. – М., 1989. – 656 с.
9. *Дебин Е.Н.* Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. [Электронный ресурс] // Исторический интернет-альманах «Русь Средневековая»: [сайт]. [2003]. URL: <http://medievalrus.narod.ru/derbin.htm> (дата обращения: 06.04.2013)
10. *Дебольский Н.Н.* История приказного строя Московского государства. – СПб., 1901. – 202 с.
11. *Дюркгейм Э.* Социология, её метод и назначение. – М., 1995. – 352 с.
12. *Забелин И.Е.* Взгляд на развитие Московского единодержавия. Исторический вестник, 1881. – № 4. – 782 с. // Исторический вестник. – Февраль 1881. – № 2. – С. 233–268; – Март 1881. – № 3. – С. 489–523; – Апрель 1881. – № 4. – С. 735–782.
13. *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв.). – М., 1977. – 290 с.
14. *Зимин А.А.* Создание общерусского государственного аппарата / А.А. Зимин. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). – М., 1982. – 340 с.
15. *Исаев М.А.* Лекции по истории московского права и государства. – М., 1996. – 192 с.
16. *Карамзин М.Н.* История государства Российского. – Т. 3. – Глава VII. [Электронный ресурс] // Информационно-развлекательный портал «Куличики»: [сайт]. [1999]. URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/karamzin/karahist.htm> (дата обращения: 07.04.2013).
17. *Карамзин М.Н.* История государства Российского. – Т. 6. – Глава I. [Электронный ресурс] // Информационно-развлекательный портал «Куличики»: [сайт]. [1999]. URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/karamzin/karahist.htm> (дата обращения: 07.04.2013).
18. *Ключевский В.О.* Курс русской истории [Электронный ресурс] // Электронная энциклопедия и библиотека Руниверс: [сайт]. [2002]. URL: <http://runivers.ru/lib/book3102/9767/> (дата обращения: 06.04.2013).
19. *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. – М., 1985. – 281 с.
20. *Костомаров Н.* Начало единодержавия в Древней Руси // Соб. соч. «Исторические монографии и исследования». – Т. 12. – СПб., 1872. – 370 с.
21. *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы в русском государстве. – М., 1961. – 198 с.
22. *Лурье Я.С.* Две истории XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. – СПб., 1994. – 240 с.

23. *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. – Ленинград, 1945. – 432 с.
24. *Неволин К.А.* Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Соб. соч. – Т. IV. – СПб, 1859. – 320 с.
25. *Новосильцев А.П.* Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте (постановка проблемы) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. – М., 1986. [Электронный ресурс] // Новосильцев Анатолий Петрович [сайт]. [2001]. URL: <http://apnovoselcev.narod.ru> (дата обращения: 07.04.2013)
26. *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм России. – М., 1988. – 700 с.
27. *Панеях В.М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. – Л., 1967. – 160 с.
28. *Петров К.В.* Приказная система управления в России в конце XV–XVII вв. и нормативно-правовое обеспечение её деятельности. – СПб., 2005 [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Открытый текст»: [сайт]. [2007]. URL: http://www.opentextnn.ru/history/rushist/dorevigu/petrov_prikaznaia_sistema/?id=4127 (дата обращения: 07.04.2013).
29. *Погодин М.* О происхождении Руси: историко-критическое рассуждение. – М., 1825. – 68 с.
30. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. – Часть 1. – Глава V. [Электронный ресурс] // «Литература и жизнь» [сайт]. [2006]. URL: http://dugward.ru/library/pokrovskiy_m_n/pokrovskiy_m_n_rus_ist1.html (дата обращения: 06.04.2013)
31. Полное Собрание Русских Летописей. В 43 Т. – Т. 25. – М.-Л., 1949. – 464 с.
32. *Пресняков А.Е.* Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. – Петроград, 1918. – 458 с.
33. *Льянков А.П.* Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. – Минск, 1980. – 210 с.
34. *Рыбаков Б.А.* Образование Древнерусского государства. – М., 1955. – 313 с.
35. *Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. – СПб, 1996. – 330 с.
36. *Соловьев К.А.* Дело власти. Отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси (IX – I пол. XV в.). – М., 2001. – 158 с.
37. *Соловьев К.А.* Осмысление темы властных отношений в Древней и Средневековой Руси в советской историографии (1920-е – 1980-е гг.). // История и историки. – 2007. Историографический вестник. – 2009. – С. 70–88.
38. *Соловьев К.А.* Проблема власти в Древней и Средневековой Руси (IX – I половина XV вв.): отечественная историография: дис. д. и. н. – М., 2003. – 521 с.
39. *Соловьев С.М.* История России. – Т.1. – Глава 4. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/history1.htm> (дата обращения 6.04.2013)
40. *Соловьев С.М.* История России. – Т.3. – Глава 1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/history1.htm> (дата обращения: 06.04.2013)

41. *Татищев В.* История Российская в трех томах. – Т. 1. – М., 2005. – 572 с.
42. *Тихомиров М.Н.* Российское государство в XV–XVII веков. – М., 1973. – 420 с.
43. *Фетищев С.А.* Московское великое княжество в системе политических отношений конца XIV века (1389–1395). – СПб., 1996. – 284 с.
44. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. – Л., 1980. – 244 с.
45. *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. – М., 1960. – 899 с.
46. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Часть первая. – Л., 1948. – 428 с.
47. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. – Т. 1. – Кн. 1. – Глава 1. [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации [сайт]. [2004]. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948892/chapter/1/#100000> (дата обращения: 06.04.2013)
48. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Т. 1. – Кн. 1. – Глава 2. [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации [сайт]. [2004]. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948892/chapter/1/#100000> (дата обращения: 06.04.2013)
49. *Юшков С.В.* Курс истории государства и права СССР. Т. 1: Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М., 1949. – 544 с.
50. *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). – М., 1981. – 296 с.